

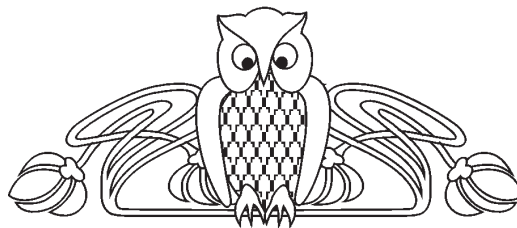

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 169–174
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 169–174
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174>, EDN: TSGOHR

Научная статья
УДК 008:81'37

Семантический фрейм как элемент смыслообразования

Т. В. Филатьева

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Россия, ЛНР, 291016, г. Луганск, ул. Красная Площадь, д. 7

Филатьева Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры культурологии, Filateva81@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4487-4361>

Аннотация. Введение. В современном социокультурном пространстве понятия смысла текста культуры, процесс смыслообразования стали актуальными среди ученых. Раньше эти понятия рассматривались в лингвистике, психологии, философии, сегодня стали востребованными среди культурологов, искусствоведов. **Теоретический анализ** понятия «фрейм» позволяет сделать вывод, что фрейм – это фрагмент памяти человека, представляющий собой знание о том или ином явлении культуры. Рассмотрение фрейма в структуре смыслообразования позволило выявить, что фрейм выступает когнитивной составляющей смыслообразовательной структуры. Семантический фрейм связан с концептом понимания текста культуры, который обозначим как артефакт, семантическую модель сознания. При наличии семантического опыта возможно понимание текста культуры. Фрейм связываем с практической деятельностью человека и общества, т. е. со смыслом, который дан ему в опыте культурной деятельности. **Заключение.** Семантический фрейм служит элементом смыслообразования, так как несет в себе знания о том или ином культурном явлении и позволяет установить значение данного текста культуры, его аксиологический смысл. Фрейм – это обобщенная рамка опыта, схема практического действия, в которой образы раскрываются через функции. Истинность фрейма устанавливается на практике, поскольку человек – существо практичное и целесообразно действующее.

Ключевые слова: фрейм, семантический фрейм, смысл, смыслообразование, текст культуры, память, понимание

Для цитирования: Филатьева Т. В. Семантический фрейм как элемент смыслообразования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 169–174. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174>, EDN: TSGOHR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantic frame as an element of meaning-making

T. V. Filateva

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, 7 Krasnaya Ploschad St., Lugansk 291016, LPR, Russia
[Filateva Tatyana Vladimirovna, Filateva81@gmail.com](mailto:Filateva81@gmail.com), <https://orcid.org/0009-0005-4487-4361>

Abstract. Introduction. In the modern socio-cultural space, the concept of the meaning of the text of culture, the process of meaning-making have become relevant among scientists. Previously, these concepts were considered in linguistics, psychology and philosophy, today they have become popular among cultural scientists, and art historians. **A theoretical analysis** of the concept of “frame” allows us to conclude that a frame is a fragment of a person’s memory, representing knowledge about a particular cultural phenomenon. Consideration of the frame in the structure of meaning-making allowed us to reveal that the frame is a cognitive component of the meaning-forming structure. The semantic frame is associated with the concept of understanding the text of culture, which we designate as an artifact, a semantic model of consciousness. In the presence of semantic experience, it is possible to understand the text of culture. We associate the frame with the practical activity of a person and society, that is, with the meaning given to him in the experience of cultural activity. **Conclusion.** A semantic frame is an element of meaning-making, since it carries knowledge about a particular cultural phenomenon and allows us to establish the meaning of a given cultural text, its axiological meaning. A frame is a generalized frame of experience, a scheme of practical action in which images are revealed through functions. The truth of the frame is established in practice, since a person is a practical and expedient being. **Keywords:** frame, semantic frame, meaning, meaning-making, cultural text, memory, understanding

For citation: Filateva T. V. Semantic frame as an element of meaning-making. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 169–174 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174>, EDN: TSGOHR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросу смыслообразования, понимания смысла, соотносению смысла и значения ученые в последнее время уделяют особое внимание. В гуманитарных науках сущность смыслообразования раскрывается в лингвистике, психологии, философии, социологии. С развитием общества, становления человека как личности появляется масса вопросов: как образуется смысл? что закладывается в культурный текст как носитель смысла? из чего складывается смысл художественного текста? Как элемент смыслообразования в текстах культуры рассмотрим фреймы, в частности, семантический и интертекстуальный.

Теоретический анализ

Теорию фреймов в лингвистике разрабатывали Р. Шенк, Б. Бирнбаум и другие, в социологии – И. Гофман, Г. Бейтсон, М. Минский, Ч. Филмор и др. Над теорией смысла в философии трудились Г. Шпет, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс и другие, в психологии – А. Леонтьев, Д. Леонтьев, В. Выготский и др.

Концепция фрейма формировалась и изменялась на протяжении многих лет. Фрейм – это устойчивая структура, когнитивное образование (знания и ожидания) и схема репрезентации. Можно сказать, что это когнитивная структура данной культуры, парадигма, создающая возможности для концептуального моделирования. Фрейм – это основная структурная единица памяти, данные, помогающие представлять определенные ситуации, единица информации, позволяющая предсказывать будущее и проектировать свое собственное поведение.

Понятие «фрейм» восходит к психологии. М. Минский изложил суть теории фреймов, которая заключалась в следующем: оказавшись в новой ситуации, человек воспроизводит по памяти структуру – фрейм, который поможет ему адаптироваться к новым условиям. Таким образом, фрейм интерпретируется как своего рода рамка, как единица представления знаний, запомнившихся человеком в прошлом, изменяющихся в новых условиях. Фреймы дополняются информацией. У каждого слота есть предопределенное условие, которое выполняется, когда оно соответствует значениям. Кроме того, М. Минский рассматривает познание как трансформацию фреймов и фреймовых систем, что открывает теоретически новую возможность для быстрого поиска под-

структур, которые позволят раскрыть секрет скорости работы механизмов человеческого мышления [1].

И. Гофман утверждает, что фреймы противоречивы, изменчивы, но они также характеризуются стабильностью: для каждой ситуации, для каждого человека формируются свои собственные фреймы; постоянство отражается в информационной единице, присвоенной каждой ситуации, которую нельзя изменить; человек создает паттерны поведения бессознательно, они разрушатся под определенным влиянием. Такие ситуации крайне редки, и через некоторое время кадр восстанавливается [2]. Так, он приводит пример фреймовой ситуации (мать, укачивающая ребенка), которая демонстрирует вариативность фрейма (девочка укачивает куклу, актриса в роли матери укачивает ребенка, политик укачивает чужого ребенка и т.д.) – имитация фрейма – повседневная ситуация с определенной целью. И. Гофман интерпретирует фреймовую систему как «исходный код», основанный на прагматической и феноменологической философии повседневной жизни. Таким образом, под фреймом мы понимаем фрагмент памяти, знания о конкретном культурном тексте, который помогает отобразить значение определенного культурного явления.

Понятие «интертекстуальный фрейм» описано в работе У. Эко, рассматривавшего его как нарративную схему, типичную ситуацию, порождение и интерпретация которой возможны только тогда, когда они соотношены с другими текстами. В качестве примера интертекстуального фрейма У. Эко демонстрирует «Эдипов треугольник», описанный З. Фрейдом и возводимый при наличии достаточной «интертекстуальной компетентности» у реципиента, к своему древнему прецеденту – трагедии Софокла. Это может включать в себя любой возобновляемый мотив – от архаики до постмодерна. Следовательно, интертекстуальный фрейм служит элементом смыслообразования, поскольку несет в себе знания о конкретном культурном явлении.

Следующий термин, который рассматривает в своих трудах Ч. Филмор, – «семантический фрейм». Он сходен с такими единицами, как концепт и семантическое поле, но одновременно и противопоставлен им. Семантический фрейм – всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними. Таким образом, семантический фрейм – это структурированный концепт. Уточним место семантического фрейма в процессе смыслопорождения.

О фреймовой семантике говорят в основном в лингвистических исследованиях. В нашем случае фреймовая семантика может быть интересна как отражение определенной части человеческого опыта, знаний, обеспечивающих понимание в процессе коммуникации. Фреймовая семантика пытается раскрыть свойства структурированного знания. Идея о том, что понятия определенным образом организованы в сознании, была центральной в структурной семантике. Однако высказывалась идея о том, что существуют и другие способы организации, связанные с восприятием мира человеком. Для определения идеи был предложен ряд терминов в области искусственного интеллекта, когнитивной психологии и лингвистики, например, когнитивная модель, сценарий (Schank, 1982; Шенк и Абельсон, 1977), схема (Бартлетт, 1932), сценарий (Сэнфорд и Гаррод, 1981) и фрейм (Филлмор, 1975; Минский, 1975). Работа Ч. Филлмора по семантике фреймов имела лингвистическую основу [3].

Ч. Филлмор предложил фреймовую семантику в качестве модели семантики понимания, которую следует рассматривать в отличие от семантики истинности-условности. Истинностно-условная семантика пытается прийти к пониманию значения слова с помощью истинностно-оценочных суждений, а также суждений о семантических отношениях. Однако согласно мнению Ч. Филлмора (1985) понимание имеет первостепенное значение, когда дело доходит до анализа значения, а фреймы объединяют элементы и сущности, связанные с определенной культурно укоренившейся сценой из человеческого опыта (Филлмор, 1982). Ученый описывает процесс понимания следующим образом: говорящий использует слова и конструкции в тексте в качестве инструментов для того, чтобы вызвать определенное понимание. Задача реципиента состоит в том, чтобы вызвать это понимание, обнаружив деятельность, для которой предназначены эти инструменты. Следовательно, можно сказать, что слова и конструкции вызывают понимание и что *фрейм* – это конкретное понимание.

На наш взгляд, реципиент приходит к пониманию текста культуры, когда, услышав, увидев его, он воспроизводит, вспоминает соответствующий фрейм. Текст культуры мы называем артефакт, семантическую модель сознания, человеческих отношений, конфликта и т.д. Текст культуры, как и память, мы не можем понять, если не имеем соответствующего семантического опыта, общего для субъектов данного

семантического контакта, а следовательно, и памяти. Возникает вопрос об адекватности восприятия текста культуры, а значит и фрейма, что дает возможность связать фрейм с практической деятельностью человека и общества, т.е. его со смыслом, который дан ему в опыте культурной деятельности.

Когда Филлмор впервые использовал термин «фрейм», он определил его (1975) как любую систему языкового выбора, начиная от набора слов и заканчивая грамматическими правилами или лингвистическими категориями, которые могут быть связаны со структурами опыта человека, его практикой.

Позже фреймы обеспечивают «фон и мотивацию для категорий, которые представляют эти слова» (Филлмор, 1982), а в 1985 г. они определяются как «конкретные рамки знаний или последовательные схемы опыта». В более позднем описании фреймов утверждается, что они являются «когнитивными структурами... знание которых предполагается для концептов, закодированных словами» (Филлмор и Аткинс, 1992). Как отмечают Унгерер и Шмид (2006), можно заметить, что эти определения показывают постепенный сдвиг природы фреймов от лингвистических конструкций к когнитивным концептам.

Существует ряд аргументов, подтверждающих преимущества семантики фрейма. Во-первых, он способен учитывать понятия, которые не являются неотъемлемой частью значения слова. Утверждается, что слово имеет связанные с ним понятия, которые оно описывает. Некоторые из них могут относиться к предшествующей истории обозначаемой сущности, к участникам действия или обладателю свойств (это верно для словесных понятий, обозначающих свойства и действия), а также к понятиям объектов. Например, Ч. Филлмор (1977) утверждает, что значение слова «вдова» кодирует информацию о предыдущей жизни женщины, а именно о том, что она когда-то была замужем, но что ее муж умер. Семантика фрейма может также учитывать дейктические выражения, которые требуют ссылки на внешние объекты.

Существует ряд словесных концептов, которые не могут быть поняты вне культурного и социального пространства, где находится действие, состояние или вещь. Например, понятие ВЕГЕТАРИАНЕЦ, имеющее смысл только в рамках культуры, где употребление мяса – обычное явление. Стоит отметить, что ни одно слово не дает полной структуры фрейма, скорее слово позволяет говорящему или

слушающему сосредоточить свое внимание только на его части. Филлмор и Аткинс (1992) ссылаются на фрейм РИСКА и утверждают, что глагол «рисковать» встречается во многих синтаксических конструкциях, но ни одна из них не может, возможно, привести к возникновению всех элементов структуры РИСКА. Более того, семантика фреймов может описывать проблемы, выходящие за рамки уровня слов, такие как согласованность текстов. Филлмор (1977) противопоставляет следующие предложения:

а) вчера у меня были проблемы с машиной. Пепельница была грязной;

б) вчера у меня были проблемы с машиной. Карбюратор был грязным.

Несмотря на определенную ссылку, первое предложение является бессвязным, потому что фрейм, имеющий проблемы с автомобилем, не включает пепельницу в качестве возможной причины проблем, в то время как карбюраторы, действительно, вызывают проблемы. Таким образом, можно предположить, что существует ряд последствий, вытекающих из адаптации фреймовой модели энциклопедических знаний. Во-первых, из этого следует, что значения слов могут быть поняты только в образах опыта, и слова не нужны для этого (например, когда мать берет в руки ремень, ребенку слова не нужны), а во-вторых, фреймы обеспечивают особый взгляд на мир. Ч. Филлмор (1982) приводит пример из слов «побережье» и «берег», подчеркивающих, что, хотя побережье описывает землю, прилегающую к морю по отношению к кому-то на ней, лексический выбор слова «берег» будет сделан человеком, находящимся в море. Ангерер и Шмид утверждают, что теория фреймов – это «попытка расширить рамки лексического и грамматического анализа» [3, с. 54].

Другое значение заключается в том, что оно позволяет учитывать понятия внешние по отношению к понятию, обозначаемому данным словом. Это очевидно, когда речь заходит о словесных концепциях, которые относятся к предшествующей истории обозначаемой сущности. Ч. Филлмор (1977) утверждает, что шрам – это не просто особенность чьего-то лица, но и рана в заживающем состоянии, и что невозможно понять значение галоп, не зная физиологии лошади. Следовательно, можно предположить, что фреймовая семантика включила фоновые знания в изучение значения и открыла новые направления для исследований в этой области.

Когнитивная семантика выдвигает еще одно фундаментальное утверждение, касаю-

щееся конструирования смысла. Ж. Фоконье и М. Тернер раскрывают процесс смыслопорождения, они подошли к конструированию смысла как к концептуализации. Ж. Фоконье и М. Тернер (2002) определяют нейросети как небольшие нейроструктуры, копии чувственного опыта, создаваемые по мере того, как мы думаем и говорим, в целях локального понимания и действия. «Язык рассматривается как «верхушка айсберга когнитивного конструирования». По мере развития дискурса многое происходит за кулисами: появляются новые области, устанавливаются новые связи, действуют абстрактные значения, возникают и распространяются внутренняя структура, точки зрения и фокус постоянно меняются» [4, с. 139].

Согласно Фоконье конструирование смысла включает в себя два процесса: построение ментальных пространств и установление сопоставления между этими пробелами. Ментальные пространства содержат определенные типы информации и создаются творцами пространства, лингвистическими элементами, включая предложные фразы, наречия и сочетания существительного и глагола. Созданные пробелы будут содержать элементы, представляющие собой сущности, которые создаются в режиме реального времени или уже существуют в концептуальной системе. Более позднее сотрудничество Ж. Фоконье и М. Тернера привело к разработке новой теории динамического конструирования смысла, названной Теорией концептуального смещения. Работа Тернера по теории концептуальных метафор оказала еще одно большое влияние на новую структуру. Ж. Фоконье и М. Тернер предполагают, что смысл создается с помощью интеграционных сетей, представляющих собой многопространственные сущности, возникающих путем соединения двух или более входных пространств с помощью общего пространства. Общее пространство предоставляет абстрактную информацию, которая является общей для всех входных пространств. Собеседники имеют возможность определить общую структуру во входных пространствах, которая приводит к интеграции. Наконец, в интеграционной сети появляется еще одно пространство, получившее название «смешанное пространство» или, в более общем смысле, блэнд (смешанный). Оно содержит новую информацию, не присутствовавшую ни в одном из входных пространств. Именно так создается новый смысл. Все вышеперечисленные пространства представляют собой концептуальные массивы, построенные «в режиме онлайн» на основе

обобщенных лингвистических, прагматических и культурных стратегий сбора информации.

Сеть интеграции состоит, по меньшей мере, из четырех пространств: общего, двух входных и смешанных пространств. Входные пространства приводят к процессу, называемому выборочной проекцией. Другими словами, в смеси проецируется только информация, необходимая для локального понимания, а не вся структура входных пространств. Существует ряд руководящих принципов, которые регулируют проекцию. Кроме того, роль общего пространства заключается в установлении параллельных соединителей между входными пространствами с использованием концептуальной операции сопоставления. Широко обсуждаемый пример последнего – «Этот хирург – мясник», где метафора может быть объяснена в терминах серии сопоставлений: «мясник» на «хирург»; «животное» (корова) на «человеческое существо»; «товар» на «пациента»; «тесак» на «скальпель» [4].

Когда дело доходит до возникающей структуры, есть три составляющих процесса, которые ее порождают: *композиция, завершение и разработка*. Эти фреймы представляют структуру, позволяющую понять основные выводы, вытекающие из сочетаний, и дополнить информацию, спроецированную из входных пространств. Заключительный процесс называется проработкой, или запуском смешивания, и это относится к онлайн-обработке, приводящей к созданию смеси. Следует подчеркнуть, что любое пространство в интеграционной сети может быть изменено. В целом концептуальное смешение рассматривается как концептуальная операция, занимающая центральное место в человеческом мышлении и воображении. Оно выходит за рамки лингвистических явлений и способно описывать неязыковое поведение человека, например фольклор и ритуалы, вводя новые способы учета более широких аспектов человеческого опыта.

Теория концептуального смешения имеет особое значение, поскольку обеспечивает основу для обсуждения интертекстуальных фреймов как элементов смыслопорождения. Более того, понятие «концептуализация» является одним из фундаментальных принципов теории Эванса, на которой основано обсуждение семантических интертекстуальных фреймов.

Согласно Эвансу энциклопедические знания рассматриваются как высокодетализированные, обширные и структурированные знания, к которым мы, люди, по-видимому, имеем

доступ, чтобы классифицировать ситуации, события и объекты, с которыми нам приходится сталкиваться в повседневной жизни и в мире, и знания, используемые для выполнения ряда других высших когнитивных операций, включая концептуализацию, вывод, причину, выбор.

Энциклопедические знания требуются при использовании языка и они служат контекстом, «в котором слова приобретают и приобретают значение». Это важное утверждение, но в то же время очень широкое, поскольку не указано, каким образом энциклопедические знания проявляются в конкретных областях использования текста.

Заключение

Интертекстуальный, семантический фрейм можно рассматривать как культурно обусловленный элемент образования смысла художественного текста, выделяемый в практическом поле структуры смыслообразования. Интертекстуальный фрейм – это смысловой пазл, встроенный в память человека. Совокупность таких пазлов помогает воссоздать и понять тексты культуры, проследить их взаимосвязь и значение, ценность в жизни определенного социума. В сознании человека фрейм выступает когнитивной и аксиологической структурой в понимании текста культуры. Логичной будет формулировка понятия, противоположного термину «фрейм», например, «дефрейм». Если фрейм – это рамка, схема организации восприятия, то дефрейм – это расширение рамок, их стирание в сознании человека, схема дефреймизации восприятия. Следовательно, дефрейм будет эмпирической составляющей в структуре понимания текста культуры.

В нашем исследовании фрейм обозначен как общественный стандарт культурного восприятия, как элемент культурного кода. Смысл культурного текста складывается из фреймов, представляющих собой память культурного опыта, уровня практики, уровня сознания человека. Кроме того, семантический фрейм как элемент смыслообразования обусловлен историко-культурными событиями, вследствие чего могут возникнуть исторические типы фреймов.

Итак, обобщая изложенное, считаем, что смысл – это не свойство слова, а свойство элемента в структуре опыта, целого. Смысл вытекает из функции. Фрейм – это обобщенная рамка опыта, схема практического действия, в котором образы раскрываются через функ-

ции. Фрейм ограничивает, с одной стороны, своеволие индивида, а с другой – определяет общеобязательный для всех адекватный стандарт восприятия. Истинность фрейма устанавливается в практике, так как человек существо практическое и целесообразно – действующее.

Список литературы

1. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. И. Кулакова. М. : Энергия, 1979. 151 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой ; вступ. статья Г. С. Батыгина. М. : Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
3. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 52–92.
4. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive science*. 1998. Vol. 22, № 2. P. 133–187.

References

1. Minskij M. *Frejmy dlja predstavlenija znaniy* [Frames for Knowledge Representation]. Moscow, Energiya Publ., 1979. 151 p.
2. Gofman I. *Analiz frejmov: esse ob organizatsii povse-dnevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., 2004. 752 p.
3. Fillmor Ch. Frames and Semantics of Understanding. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23: Kognitivnye aspekty jazyka* [New in foreign linguistics. Iss. 23: Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52–92 (in Russian).
4. Fauconnier G., Turner M. *Conceptual integration networks*. *Cognitive Science*. 1998, vol. 22, no. 2, pp. 133–187.

Поступила в редакцию 03.01.2023; одобрена после рецензирования 23.02.2023; принята к публикации 27.03.2023
The article was submitted 03.01.2023; approved after reviewing 23.02.2023; accepted for publication 27.03.2023